

Виктор Пелевин

П5

(Прощальные песни политических
пигмеев Пиндостана)

ФТМ

Виктор Пелевин

**П5: Прощальные песни
политических пигмеев
Пиндостана (сборник)**

«ФТМ»

2008

Пелевин В. О.

П5: Прощальные песни политических пигмеев Пиндостана
(сборник) / В. О. Пелевин — «ФТМ», 2008

ISBN 978-5-4467-0318-0

Прощальные песни политических пигмеев Пиндостана.

ISBN 978-5-4467-0318-0

© Пелевин В. О., 2008

© ФТМ, 2008

Содержание

Зал поющих кариатид	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Виктор Пелевин

П5: Прощальные песни политических пигмеев Пиндостана

Зал поющих кариатид

Лена пришла на прослушивание за два часа до назначенного срока, но все равно оказалась в очереди девятой.

Девушки, собравшиеся в небольшом холле – среди желтой кожи, стекла, хрома и винтажных голливудских плакатов, украшавших стены вместо картин, – заметно нервничали.

Лена тоже.

Девушки исчезали за дверью из матового стекла с интервалом примерно в четверть часа, потом выныривали и шли к выходу. По их лицам ничего нельзя было понять.

Когда по холлу пролетел звон электронного колокольчика и секретарша назвала ее фамилию, Лена вдруг запаниковала и долго не могла засунуть книгу в сумочку, так что секретарша даже нажала на кнопку еще раз. Но по пути к матовой двери Лена пришла в себя – и толкнула ее уверенной рукой.

За дверью оказался небольшой кабинет, похожий на приемную доктора-косметолога: письменный стол, пара кресел и жесткая медицинская кушетка, обтянутая клеенкой. Хозяин кабинета, которого было принято называть «дядя Петя», сидел на кушетке, скрестив мохнатые ноги, и курил сигару.

Дядя Петя был полный мужчина лет пятидесяти с голым черепом и мясистым лицом в стильных прямоугольных очках. Несмотря на свежевыбритость, он выглядел небритым: его полуседая щетина была так непобедимо густа, что казалось, будто он только что посыпал голову пеплом сигары, а для полноты покаяния втер некоторое количество еще и в щеки. Одет он был как ребенок – в мятые белые шорты и футболку с радужной надписью:

Taliban Ichkeria

Некоторое время он глядел на Лену, пожевывая сигару. Затем указал на стол и произнес: – Раздевайся и залазь... То есть наоборот – залазь и раздевайся.

Лена была в курсе, что петь придется голой, но все-таки испытала шок, поняв, что все произойдет не на подиуме, а на письменном столе в прокуренной комнатенке. Как-то это выглядело несерьезно. С другой стороны, место было самое серьезное, какое только бывает, это она тоже знала.

Обнаружившийся диссонанс мог означать только одно – ее представления о серьезном и несерьезном не соответствуют актуальной действительности. Такое с ней уже бывало в жизни. Поэтому, отбросив сомнения, она залезла на стол и быстро обнажилась.

– Пой, – сказал дядя Петя.

– У меня флэшка с музыкой, – ответила Лена, – есть куда поставить?

– Давай без музыки.

Специально на этот случай у Лены была приготовлена песня про Югославию, которую пели «Татушки» – она очень выгодно подчеркивала ее тонкий чистый голосок. Лена запела:

Над вечерним Дунаем разносится
белый цвет белый цвет белый цвет...

– Ногу подними, – сказал дядя Петя.

Лена покраснела и, продолжая петь, подняла левую ногу, согнув ее в колене. Стоять на одной ноге было неудобно, но можно. Она развела руки в стороны и попыталась придать своей позе максимальное изящество.

Стыд наполнил ее голос какой-то особо пронзительной хрустальной чистотой. Дядя Петя даже не смотрел на нее – так, может, глянул искоса один или два раза. Он занимался своей сигарой, которая слишком сильно прогорела с одного бока. Озабоченно смазывая слюной проблемную область, он пускал струи дыма в потолок, но раскурить сигару равномерно никак не получалось.

Когда Лена второй раз пропела «Ты уходишь в огонь, Югославия, без меня без меня без меня», в голове дяди Пети, видимо, сработало какое-то ассоциативное реле. Он стряхнул с сигары пепел, сморщился и сказал:

– Хватит. Давай что-нибудь другое.

– А ногу можно опустить? – спросила Лена.

Дядя Петя отрицательно помотал головой. Лена к этому времени уже порядком устала – и сделала ошибку.

Она запела «Колеса любви» «Наутилуса». Это была красивая песня, но с неуловимым и как бы скользящим мотивом, и петь ее следовало только под музыку.

– Это знала Ева, это знал Адам, колеса любви едут прямо по нам... – начала она, но через несколько секунд дала такого явного петуха, что замолчала от смущения, а потом начала заново.

– Не надо, – остановил ее дядя Петя.

Положив сигару на край кушетки, он сделал пометку в блокноте.

– Можно ногу опустить? – опять спросила Лена.

– Можно, – кивнул дядя Петя. – Можно уже одеваться.

– А декламация? Декламацию будете слушать?

– Нет.

Лена слезла со стола. Она чувствовала, как на ее щеках разгорается румянец позора, и ничего не могла с этим поделать. Ей было очень неловко, и, одеваясь, она смотрела в мусорное ведро – словно смирившись с тем, что отныне ее место именно там.

* * *

Дядя Петя позвонил через неделю, когда Лена уже успокоилась. Звонок раздался рано утром. Взявшая трубку сестра сказала:

– Тебя какой-то живчик.

Сначала Лена не поняла, кто это, и только когда дядя Петя назвал ее «Югославией», догадалась, что все-таки прошла конкурс.

– Насчет тебя сомнений не было, – сообщил дядя Петя, – ты только ногу подняла, и я все понял... Сегодня днем свободна?

– Да, – сказала Лена. – Конечно.

– Знаешь, где «Рэдисон-Славянская»? Приходи к трем часам ко входу, только паспорт возьми. Увидишь там человека с табличкой «Семиотические знаки». Подойдешь к нему.

– Зачем? – не поняла Лена.

– Затем, глупышка, что человек с этой табличкой отведет тебя туда, куда тебе надо. А ты что-то плохое подумала? Не бойся, плохого больше не будет, будет только хорошее и очень хорошее. Если, конечно, не разучишься краснеть. Это в нашем деле самое важное...

И дядя Петя засмеялся.

Без пятнадцати три Лена была на месте.

Судя по всему, в «Славянской» происходило какое-то крайне важное для мировой семиотики событие – у дверей стояло сразу несколько женщин в гостиничной униформе с такими табличками в руках. Одна из них, сверившись со списком, повела Лену в бизнес-центр. Там уже собралась целая толпа семиотических юношей и девушек – это даже немного напоминало первое сентября.

Женщина в униформе привела Лену в небольшой полукруглый зал с черными креслами, явно предназначенный для презентаций в узком кругу. В зале сидели незнакомые девчонки. Лена по привычке пошла на последний ряд и села рядом с миниатюрной девушкой с азиатским разрезом глаз, по виду совершенной японкой.

– Ася, – представилась японка и так очаровательно улыбнулась, что Лена сразу поняла, как та прошла конкурс.

– Лена, – сказала Лена и пожала протянутую руку. – Что сейчас будет?

– Говорят, какое-то вводное занятие.

Лена оглядела собравшихся. Всего в зале оказалось двенадцать девушек – все были красивые, но разные, словно их специально подбирали таким образом, чтобы создать контраст между разными типами физической привлекательности и усилить таким образом эффект. Здесь были две негритянки, одна мулатка, две смуглых среднеазиатки, две узкоглазочки (самой красивой была Ася) и пять девушек неопределенно-европейского вида: три блондинки (Лена посчитала себя), брюнетка и шатенка.

Через несколько минут ожидания в зал вошли дядя Петя, одетый в коричневый двубортный пиджак поверх черной водолазки, и молодой темноволосый мужчина в сером костюме от Zegna с галстуком неброского, но такого элегантного оттенка, что если у Лены и оставались какие-то сомнения в серьезности происходящего, они отпали раз и навсегда.

Дядя Петя явно не был в этой паре главным. Он вел себя по отношению к молодому человеку очень предупредительно – включил ему микрофон и даже стряхнул несуществующую пыль с его кресла.

Усевшись перед микрофоном, молодой человек оглядел девушек, грустно улыбнулся и заговорил:

– Вы ведь знаете, девчата, что сейчас происходит в мире. Геополитическое противостояние между цивилизациями, основанными на служении духу и материи, обострилось до последнего предела. За этим скрыто такое же напряжение сил, как в зоревые утренние часы перед Куликовской битвой, когда православная рать ждала своего звездно-крестного часа...

Молодой человек обвел строгим взглядом девушек, как бы давая понять, кто теперь будет православной ратью – но это Лена прикинула уже давно. Неясно было, что такое «звездно-крестный». Она решила, что это калька с американизма «звездно-полосатый» – эдакий ответ диктатуре «Макдональдса», за неимением нормального креатива слизанный с самого «Макдональдса», но заквашенный на правильном духовном начале.

– Особую остроту ситуации придает тот факт, – продолжал молодой человек, – что богатства нашей страны достались во время грабительской и преступной приватизации кучке олигархов, специально отобранных агентами мировой закулисы по принципу духовного убожества. Не то чтобы это были неисправимо дурные люди, нет, не следует так думать, папа-мама дурка восемнадцать. Они, скорее, похожи на маленьких детей, не способных стремиться ни к чему, кроме удовлетворения своих постоянно меняющихся желаний. Отсюда все эти футбольные клубы, гигантские яхты, вино по двадцать тысяч евро за бутылку и прочие grimасы, о которых вы, я думаю, слышаны...

Лена не поняла, что это за «папа-мама дурка восемнадцать» (молодой человек пробормотал эти слова быстро и тихо), но сразу же забыла про это – ей вдруг до такой степени захотелось отхлебнуть вина за двадцать тысяч евро, что ее рот наполнился слюной. По залу прошел

тихий вздох, подтвердивший, что собравшиеся не просто наслышаны о гримасах, а успели в мельчайших деталях изучить всю доступную о них информацию.

– В последнее время спецслужбы Запада развернули настоящую охоту на наших богачей-недотеп, – продолжал молодой человек. – Вы слышали, конечно, про громкие скандалы и аресты: сначала Куршевель, затем Фиджи, потом бутик «Гермес», а теперь вот Сен-Моритц, Мальдивы и Антарктида. Кампания тщательно спланирована и преследует две основные цели – во-первых, дискредитировать российскую цивилизацию, во-вторых – установить контроль над ее ресурсами посредством сбора компромата на владельцев ее основных активов. Наша элита стала мишенью, а объективная реальность текущей точки пространства-времени такова, что вместе с ней стали мишенью мы все.

Нахмурившись, он замолчал, словно давая слушателям возможность осознать всю серьезность ситуации. Затем на его лицо вернулась грустная улыбка, и он продолжил:

– Мы должны удержать ситуацию под контролем. Что для этого нужно? В первую очередь, создать условия, при которых эти инфантильные охламоны больше не будут позорить страну за рубежом. Мы должны, так сказать, воспроизвести тот дурманный мираж, которым их привлекает Запад, по нашу сторону границы. Тогда мы обезопасим стратегические ресурсы отчизны и заодно сохраним в России те огромные средства, которые олигархия тратит на свои безобразия. Это, если хотите, один из приоритетнейших национальных проектов сегодняшнего дня – хоть по телевизору, по понятным причинам, вы об этом не услышите ни слова.

Он поглядел на часы.

– Остальное вам расскажет Петр Моисеевич. Главное, вы должны помнить, что, несмотря на внешнюю... двусмысленность, скажем так, вашего труда, он так же важен, как вахта матросов подводного крейсера, который несет ядерный щит страны. А может быть, и важнее – потому что война сегодня не та, что полвека назад, и ведется совсем другими средствами. Стране нужен щит нового типа, способный защитить наши рубежи изнутри, – и держать его будете вы, девчата! К вам переходит сегодня дело Александра Невского. Это огромная ответственность, но и великая честь. И пусть на этом пути ваши сердца озарит то прекрасное и невыразимое, что Боря Гребенщиков называет делом мастера Бо, а простые люди вроде меня – трансцендентально-экстралингвистическим императивом. Все теперь будет зависеть от вас. Удачи!

Прошептав что-то на ухо дяде Пете, молодой человек встал, помахал на прощание изящной маленькой ладонью и вышел из зала.

– Все поняли, кто с вами сейчас говорил? – спросил дядя Петя и выразительно поглядел в потолок. – Да... Вот так. Раньше был серый кардинал. Никто его и в глаза не видел. А теперь вот выступает по разным вопросам, общается с людьми. Настоящий, кстати, демократ в хорошем смысле – приехал на обычной «бэхе» без всяких наворотов. Только рассказывать про эту беседу на стороне я очень не советую.

Лена так и не поняла, что это был за «серый кардинал», но решила не выяснять – чтобы случайно кому-нибудь не проболтаться.

– Усвойте сразу, – продолжал дядя Петя. – Длинных ног для вашей работы мало, нужна короткая память. Никто – ни мама, ни папа, ни братик, ни даже священник на исповеди – не должен знать о том, что происходит с вами на службе. Чем чревато нарушение этого принципа, вы, я думаю, понимаете. Или есть такие, кто в непонятках?

Дядя Петя обвел взглядом притихший зал.

– Мы что, поступили в разведшколу? – спросила одна из девушек.

– Примерно, – улыбнулся дядя Петя. – Вы думаете, мы тут в кулички играем? Если полистать глянец за последние годы, дядя Петя только и делает, что жалуется всяким светским хроникерам, будто с Рублевки не поступает заказов на девочек и вся клиентура теперь только в провинции. Мы, конечно, и хроникерам платим, и журналам. С общественным мнением работа

идет самым активным образом. Внедряется точка зрения, что на первом месте в системе ценностей современного олигарха стоит семья, на втором – заграничное образование детей, на третьем – православные идеалы, а разврат уже давно не в моде. На это, девочки, идут серьезные ресурсы. А теперь представьте, что кто-то из вас начнет торговать клубничкой... Рушится все здание. Понимаете последствия?

– Это все уже поняли, – мужским голосом сказала коротко стриженная блондинка, сидевшая в первом ряду. – Давайте конструктив. Где работать будем?

– Под Рублевкой.

– В смысле, рядом с Рублевкой?

Дядя Петя отрицательно помотал головой и ткнул пальцем в пол.

– Что вы имеете в виду? – напряженно спросила блондинка.

– Вы будете трудиться в подземном комплексе, который достраивается в районе Рублевского шоссе. Он расположен на глубине в триста метров под землей и способен выдержать прямое попадание ядерной бомбы. Комплекс будет выполнять функции бомбоубежища для национальной элиты на случай войн и терактов. А в мирное время он станет закрытым развлекательным центром, который элита сможет конфиденциально посещать, не покидая района проживания.

– И что, – спросила Ася, – про это убежище никто не будет знать?

– Скрыть строительство такого масштаба трудно, – ответил дядя Петя. – Но сохранить в тайне то, что будет там происходить, можно вполне. Все сотрудники, в том числе и вы, будут знать только касающееся их непосредственно. Кстати, не считайте себя солью земли. Вы далеко не главное содержание проекта. Вы даже не осы.

– Какие осы? – спросила одна из девушек.

– «Оса» – это «объект секс-аттракции», – ответил дядя Петя. – Наш профессиональный жаргон.

– А кто же мы тогда?

– Вы просто декоративный элемент в одном из вспомогательных помещений. Вы – поющие кариатиды. Знаете, что это такое?

Знали явно не все – это было видно по лицам.

Дяде Пете, видимо, стало жарко – он снял пиджак и повесил его на спинку стула. На его черной водолазке в районе живота оказался рисунок – изогнутый найковской загогулиной сперматозоид с подписью:

Just did it

– В словаре русского языка сказано, – сказал дядя Петя, – что слово «кариатида» обозначает скульптуру женщины, которая служит опорой крыши или образно выполняет эту функцию... Что значит «служить опорой крыши», вам сейчас объяснили, это политический аспект. А теперь поговорим о том, что значит «образно выполнять эту функцию». Мы создаем пространство персональных наслаждений совершенно нового типа. Его главным стилеобразующим элементом будет обнаженное женское тело. Это, конечно, не комната с голыми бабами. Неаполитанская тарантелла, над которой издевался еще Аверченко, никому сегодня не интересна. Нет... Мы делаем нечто такое, чего не видели даже пресыщенные римские императоры.

Откинув корпус назад, дядя Петя изобразил на лице римскую пресыщенность. На взгляд Лены, получилось очень похоже – несмотря на прямоугольные очки.

– Представьте кариатид, – продолжал он, – которые оживают по желанию клиента, поют, вступают с ним в беседу, оказывают ему различные услуги интимного характера... Но только в том случае, если клиенту это интересно. Все остальное время они пребывают в оцепенении, являясь просто деталью интерьера, в котором может происходить что угодно – от изысканной

оргии до собрания акционеров. При желании клиент может прийти в это пространство со своими девушками или даже с семьей, и тогда вы должны будете часами сохранять каменную неподвижность. Ну, или создавать звуковой фон, выступая с вокальными номерами.

– А как мы будем часами сохранять каменную неподвижность? – спросила коротко стриженная блондинка с первого ряда. – Или Родина научит?

– Не иронизируй, киса, – ответил дядя Петя. – Вот именно что научит. Завтра утром. Только сначала подписки соберет.

– О невыезде? – спросила блондинка.

Дядя Петя улыбнулся.

– О неразглашении. А детство страшное забудь.

* * *

В спортзале ждали трое – бородатый доктор в белом халате, майор каких-то пятнистых войск и усталый лысый мужик в спортивном костюме. Доктор выглядел добродушным айболитом, зато майор полностью компенсировал это добродушие – его лицо, похожее на кирпич, которым разбили не один десяток черепов, не обещало ничего.

Встречу он начал с того, что построил девушек в шеренгу.

– Насчет секретности, – сказал он тихо, глядя куда-то в область своего паха. – Я хотел вам кино показать, где двух проблядушек живыми в печи сжигают. Начальство не разрешило. Предлагаю поверить на слово, что такое бывает. Верите?

Лена стояла в шеренге первой, поэтому почувствовала, что ответить следует ей.

– Верим, товарищ майор. Нам вчера про эту секретность все уши прожужжали.

– Вам жужжали про одно, – сказал майор, – а я жужжу про другое. Что вы там будете рассказывать гламурным журналистам про своих рублевских ебарей, это не моя проблема. А вот то, что я вам сейчас покажу – гостайна с грифом «совершенно секретно», и вы за нее теперь в полном ответе.

Он подошел к теннисной сумке, лежавшей у стены, и вынул из нее коробку дрянного серого картона – вроде тех, в которые пакуют запчасти к разным неинтересным машинам. В коробке лежали никелированный шприц-пистолет и рулон запаянных в пластик ампул.

Лена стояла близко и видела все в деталях: из-за треугольных головок ампулы напоминали формой патроны, а рулон был похож на пулеметную ленту. На ампулах не было никаких надписей, только какие-то красные черточки на боку. Внутри была жидкость чайного цвета.

– Препарат называется «Мантис-Б», – сказал майор. – Разработан еще в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году для применения в спецвойсках. Что он собой представляет, расскажет товарищ полковник.

Лена ожидала, что заговорит изможденный человек в спортивном костюме, но на «товарища полковника» неожиданно отозвался айболит. Он сложил руки на животе, прищурился и заговорил:

– Как вам уже сказали, девочки, препарат называется «Мантис-Б». «Мантис» по-гречески «пророк». Кроме того, это биологическое обозначение богомола. Слышали про такое насекомое? По-английски его называют praying mantis, «молящийся пророк» – из-за того, что он соединяет свои передние шипастые лапки в подобие сложенных перед грудью рук. Богомол – это очень интересное насекомое. Единственное, у которого вращается голова. У него множество глаз...

– Товарищ полковник, – попросил майор, – давайте о главном. А то запаримся им объяснять про животных.

– Верно. В общем, для нас важна только одна особенность этого насекомого. Богомол, ожидая добычу, может часами сохранять неподвижность. Окраской и формой он напоминает

сухую веточку, поэтому к нему безбоязненно приближаются другие насекомые. Тогда-то богомол и хватает их своими шипастыми передними лапами...

Айболит схватил что-то невидимое, поднес руки ко рту и громко щелкнул зубами. Над строем пронесся нервный смешок, и Лена подумала, что добродушный вид доктора имеет такое же функциональное назначение, как сходство богомола с сухой веточкой.

– Наши специалисты, – продолжал доктор, – много лет исследовали паранормальные особенности многих животных и насекомых. В частности, мы изучали богомолов, пытаюсь понять, каким образом это насекомое так долго сохраняет полную неподвижность. Вы все смотрели фильмы про японских ниндзя и понимаете, как это может пригодиться, например, сидящему в засаде снайперу или агенту спецслужб. Особенно в наши дни, когда любая охранная система включает в себя крайне чувствительные детекторы движения. В результате исследований из мозга и нервной системы богомола было выделено вещество, отвечающее за этот механизм. Это сложный белок, некое отдаленное подобие токсина, или, скорее, белка-репрессора, который представляет собой двудоменную глобулу из соединенных дисульфидным...

– Товарищ полковник, – укоризненно сказал майор.

Доктор кивнул.

– В общем, – продолжал он, – на основе этого вещества был создан препарат «Мантис-Б». Он позволяет человеку много часов сохранять полную неподвижность без негативных последствий для организма. Я подчеркиваю, речь идет о полной, каменной неподвижности.

– Они не поймут, – сказал майор. – Надо показать. Васек, иди сюда.

Мужчина в тренировочном костюме послушно подошел к майору.

– Покажи руки, – скомандовал доктор.

Васек вытянул руки перед собой. Они заметно тряслись.

– Можешь опустить.

Майор вынул из пластиковой ленты ампулу, зарядил шприц-пистолет и сказал озабоченно:

– Пригнись-ка.

Васек встал на колени. Майор поднес шприц к его затылку и нажал на спуск. Раздался пшик, и Васек сказал:

– Уй. Холодная!

– При инъекции в затылочную область действие практически мгновенное, – сказал доктор.

Васек поднялся на ноги.

– Еще раз покажи руки, – сказал доктор.

Васек повиновался. Теперь пальцы были идеально неподвижны.

Доктор подумал немного, развел его руки в стороны и поднял их вверх. Затем он наклонил его туловище, заставив оторвать от пола ногу. Васек принял такую позу, словно держал амфору, склоняясь вперед и балансируя вытянутой назад ногой. Так он и замер.

С каждой секундой у Лены росло чувство нереальности происходящего. Несмотря на очевидную неустойчивость позы, Васек стоял как каменный – его руки и поднятая нога не совершали даже мельчайших движений. Но поразительнее всего было изменение, которое произошло с его лицом. Только что Лена видела виноватую рожу алкоголика – подрагивающую, напряженную, сморщенную сразу в несколько наложенных друг на друга гримас. А теперь перед ней было лицо святого. Все его мускулы были расслаблены, оно выражало абсолютный покой и доверие, и казалось прекрасным несмотря на свою морщинистую изношенность.

– Как это... – прошептала одна из девчонок в шеренге.

Полковник в белом халате довольно улыбнулся.

– Как думаете, сколько он может так стоять? Час? Два? Ха-ха. До двух с половиной суток! И при этом будет сохранять полную ясность сознания и способность к коммуникации. Только не советую пить много воды перед сменой. Вась, как ты себя чувствуешь?

Святой открыл глаза и сказал:

– Да нормально, товарищ полковник. Только трусы режут.

* * *

Коротко стриженную блондинку звали Вера. Она жила на Профсоюзной, а Лена с Асей жили в Беляево, совсем недалеко друг от друга. Домой поехали вместе, а на «Профсоюзной» вышли и отправились гулять по улицам возле метро.

– Что-то мне это не нравится, – сказала Лена. – Я думала, будет топовое кабаре с продолжением для эксклюзивных клиентов. А тут какой-то цирк. Кариатиды.

– Знаешь, – ответила Вера, – я за такие деньги не то что кариатидой, я домкратом работать пойду. У меня отец алкоголик, я от него на ночь письменный стол к двери придвигаю. Свою квартиру надо.

– А ты что думаешь? – спросила Лена у Аси.

Ася улыбнулась своей удивительной японской улыбкой.

– Я думаю, так даже интересно, – сказала она. – Все же лучше, чем обычной проституткой.

Это прозвучало так простодушно, что все трое засмеялись.

– Слушайте, – сказала Лена, – я вот чего не пойму. Если мы на Рублевке работать будем, нас где-то там и поселят?

– Как же, жди, – ответила Вера. – Дядя Петя говорил, будут возить на автобусе.

– Каждый день?

– Нет. Будем работать в три смены по четыре человека. Двое суток работаем, четверо отдыхаем. Нас поэтому двенадцать и набрали.

– Нормально, – сказала Ася. – Получается, как проводницей в поезде. Девчат, а давайте в одну смену попросимся?

– Зачем? – спросила Вера.

– Мы живем рядом, – сказала Ася. – Можно будет договориться, чтобы автобус приезжал на «Профсоюзную». Чем к «Славянской» мотаться.

– Это мысль, – согласилась Вера. – Надо будет еще кого-нибудь найти, кто здесь живет.

– Смотрите, – сказала Лена.

Из-за угла выехал белый «стретчер» – сильно растянутый лимузин. Он был настолько длинным, что с трудом вписался в поворот, а его стекла были тонированы так густо, что ни малейшей надежды проникнуть сквозь них в чужое прайваси не оставалось. Лимузин казался разведывательным кораблем, спустившимся из счастливых заоблачных пространств на низкую орбиту, под тучи, в серый мир экономической целесообразности, эффективности и зубовного скрежета. Было понятно, что скоро разведка кончится, и корабль вернется туда, откуда прилетел. Но его вид не просто намекал на чужое преуспеяние и счастье, а еще и внушал робкую надежду: крышу украшали два скрещенных золотых кольца, похожих на локатор.

Лена провела взглядом по черным стеклам, белой эмалевой двери, опустила глаза еще ниже и увидела сверкающие никелем диски, окруженные черной резиной. Она поняла, что это есть те самые колеса любви, о которых она пела на конкурсе.

– Главное теперь не дать петухам, – пробормотала она.

– Чего? – спросила Вера.

– Нет, – сказала Лена, – это я так. Вспомнила кое-что.

* * *

Четвертой в смену попала негритянка Кима – она жила на «Академической», и согласилась встречаться с остальными на «Профсоюзной».

Кима оказалась самой образованной и умной из девчонок. Пожалуй, даже слишком умной – поговорив с ней пару раз, Лена с неудовольствием ощутила свою темноту в вопросах современной культуры: до этого она искренне считала, что художник Кулик нажил состояние, чирикай птичкой, а «Швыдкой» – не имя собственное, а бранный малоросский эпитет с гнусным антисемитским душком.

Кроме того, у Кимы была смешная манера здороваться – она била себя правым кулаком по левому плечу и говорила:

– Путен морген!

Встречаться на «Профсоюзной» было удобно, потому что черный мерседесовский микроавтобус с табличкой «Семиотические знаки» отбывал в семь утра, и ловить его где-то в центре было бы тяжело – пришлось бы слишком рано вставать.

В первую поездку все нервничали. Особенно мрачной казалась Кима.

– Чего-то у меня нехорошее предчувствие, – сказала она, когда автобус тронулся. – Помоему, мы лоханулись. Это какая-то хрень, а не серьезный проект.

– Почему? – спросила Ася.

– Да хотя бы эта табличка за стеклом, – сказала Кима. – «Семиотические знаки». Уже напрячься можно. Семиотика – наука о знаковых системах, мы ее в университете проходили. Если на русский перевести, выйдет «знаковые знаки». Это ведь любому образованному человеку смешно станет.

– Угу, – буркнула Ася, у которой тоже было плохое настроение. – Что, лучше бы там написали «блядские проститутки»?

Лена поморщилась.

– Мы не проститутки, – сказала она. – Мы все-таки скорее гейши. Поем. Декламируем.

– Типа не лавка с дыркой, – сказала Ася, – а еще и наушники с фонограммой. Поэтому прайс другой.

Кима подняла палец.

– Хорошо, что напомнили. Вчера звонил референт дяди Пети, велел составить списки песен, чтоб они подготовили озвучку. В смысле, сопровождение – под фанеру нам петь не дадут. Сказал, от двадцати до тридцати номеров, больше не надо. По дороге как раз успеем.

У водителя нашелся еженедельник, из которого он разрешил вырвать несколько чистых страниц. Было поразительно, что «Колеса Любви» оказались в программе у всех.

– Сделаем отдельный номер, – предложила Вера. – Разобьем на голоса.

Лена предусмотрительно взяла с собой распечатанный репертуар, заготовленный еще к кастингу, поэтому ей не надо было ничего писать. Можно было расслабиться.

Она взяла у шофера зачитанный журнал «Женихи России». В него был вставлен другой журнал, совсем истрепанный и тонкий, под названием «Контркультура» – непонятно было, то ли это отдельное издание, то ли просто вкладка. «Контркультура», напечатанная на плохой газетной бумаге, выглядела очень несолидно и даже убого, но Вера объяснила, что так сделано специально.

– Контркультура же, – сказала она, словно это слово объясняло все.

– А что это такое? – спросила Лена.

– Это когда с неприличными словами и на дешевой бумаге, – объяснила Вера, – чтобы можно было обсирать глянец. Сегодня самая писечка.

Ася нахмурилась.

– Неправильно, – сказала она, – не обязательно на дешевой бумаге, бывает и на дорогой. Контркультура – это... – Она на секунду запнулась, словно вспоминая услышанную где-то фразу. – Это эстетика антибуржуазного бунта, экспроприированная правящей элитой, вот.

– А как можно экспроприировать эстетику? – спросила Вера.

– Да запросто, – ответила Ася. – Теперь все бунтари, у кого пиар-менеджер грамотный. Любая свинья из телевизора говорит, что за ней ФСБ охотится, только найти никак не могут... Вы же, я считаю, у нас вообще не должно быть никаких комплексов из-за работы. Потому что проститутки сейчас все, даже воздух. Раз он радиоволны через себя пропускает.

– Ты как-то эмоционально все воспринимаешь, через сердце, – сказала Кима. – Тебя так надолго не хватит. И потом, контркультура – это другое.

– Что? – спросила Ася.

– Просто рыночная ниша, – пожала плечами Кима. – И не только у нас, а во всем мире. По-английски пишется «counterculture». «Counter» – прилавок. Контркультура – это любой товар, который собираются круто продать и кладут на прилавок у самой кассы. Лен, ты че молчишь?

– Читаю, – ответила Лена. – Непонятно, почему у них мат через многоточия, если они бунтуют.

– А чтоб аудитория шире была.

– Ага... А вот тут пишут – «яркий интеллект, экспериментирующий в зоне массового мейнстрима...» Это тоже контркультура?

– Нет, – сказала Ася. – Это один Абраша капусту рубит, а другой его пиарит.

Больше Лена не задавала вопросов, но все-таки ей стало интересно, что такое эта контркультура, поэтому она решила проглядеть вкладку полностью.

Вполуха слушая девчонок, она прочла главный материал – рейтинг «100 Самых Дорогих Б...дей Москвы с Телефоном и Адресом», а затем и комментарий к нему (комментатор вопрошал, по какой причине – внезапного нравственного преображения или временного упадка в делах – в списке отсутствует ведущий ток-шоу «Шапки Прочь!» Дроздовец), наморщилась на странную рекламу («Устали от городской суеты и шума? Две минуты, и вы в сосновом лесу! Бельевые веревки фабрики „Раздолье“»), полистала статью о шансонье Шнуркове («Почему из всех борцов с диктатурой менеджера именно этот продвинутый чегевара, знакомый многим состоятельным господам по искрометным песням на закрытых корпоративах, первым пустил о себе слух, что нехило поднимает на рингтонах? Да потому, что понял: в наши дни это единственный путь к тому, чтобы его рингтон действительно зазвучал на твоём iPhone 3G, дорогой менеджер»), затем интервью с самим Шнурковым («автор песен „На...ри в П...ду“ и „Х...й в Г...не“ размышляет о тенденциях и метаморфозах новейшего российского кинематографа»), а потом – наверно, от утомительного контркультурного мата – почувствовала тоску и одиночество, закрыла мятежную вкладку и погрузилась в спокойный глянцево-оливковый омут «Женихов России».

И сразу наткнулась на большую статью под названием «Последний русский мачо».

Она была посвящена олигарху Ботвинику, которого в ней называли «женихом России №1». Лена ввинтилась взглядом в фотографию круглого крепыша с неестественным румянцем во все щеки – словно пытаясь просверлить в глянце прорубь и выудить из-под нее какой-то секретный код.

– Могла бы полюбить такого? – спросила Ася, заглянув в журнал.

– Почему нет, – ответила Лена. – В любом человеке можно найти что-то хорошее. А когда у человека несколько миллиардов долларов, этого хорошего можно найти очень много. Надо только поискать.

Кима встала с места, чтобы поглядеть на фотографию.

– Попробуй с ним мысленно поговори, – сказала она. – Я читала, что человека можно притянуть к себе, глядя на его фотографию и говоря с ней. Только обещай ему что-то такое, чтобы ему тоже захотелось тебя увидеть. Потом он тебе обязательно встретится в жизни.

Лена иронично поблагодарила и стала читать.

* * *

В статье обнаружилось много интересного.

Вспоминали старый-престарый слух о том, что Ботвиник в девяностых набил морду Жан-Клоду Ван Дамму у дискотеки в Монте-Карло – и якобы ему долго нельзя было за границу, потому что его искал Интерпол. В это не особо верилось: старшая сестра Лены в те годы крутила любовь с ореховским бандитом, и Лена с детства знала, как трудно найти среди ореховских быков такого, который в свое время не набил морду Жан-Клоду Ван Дамму у дискотеки в Монте-Карло (многие с похабной ухмылкой давали понять, что этим дело не ограничилось). Если Интерпол и искал когда-то Ботвиника, то, конечно, за другое – но широкая растиражированность слуха, который не поленились откомментировать все серьезные политобозреватели («Запад получил еще один повод бессильно скрежетать зубами»), указывала на такие мощные бюджеты, что это было гораздо круче, чем действительно набить морду Жан-Клоду Ван Дамму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.